

УДК 343.13(045)

*В.В. Колесник***КОМПЛЕКС ДОГОВОРНЫХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФОРМ
ОКОНЧАНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

Статья посвящена проблеме систематизации уголовно-процессуальных форм окончания уголовных дел по ряду нереабилитирующих оснований, которые называют диспозитивными или согласительно-компенсационными, образующими определенную систему. Ее целями являются содействие сдвигу доктрины в сторону признания договора как вполне обычного способа разрешения уголовно-процессуальных вопросов, а также разработка основ авторской концепции договорных уголовно-процессуальных форм окончания уголовного дела. Использовались основные методы юридического познания: дедукция, индукция, анализ и другие. В результате исследования были выведены общие положения, образующие основу авторской концепции. В их число вошли положения о соучастниках соглашения о прекращении уголовного дела с обвиняемым, о прекращении уголовного дела со стороны обвинения, предмете соглашения, принципах соглашения. Предлагается усилить роль прокурора в договорных процедурах прекращения уголовных дел и сделать главным процессуально ответственным участников со стороны обвинения за выработку условий соглашения и надзор за их исполнением. Круг оснований договорных уголовно-процессуальных производств в настоящее время предусмотрен статьями 25, 25.1, 27 ч. 3, 28 ч. 2, 28.1, 427 УПК РФ. Автор предлагает расширить его основанием об изменении обстановки или утраты социальной опасности обвиняемым в ходе его сотрудничества со следствием и прокурором.

Ключевые слова: уголовно-правовые науки, концепция, договор, обвинение, прекращение уголовного дела, основание, условия, прокурор, потерпевший, обвиняемый.

DOI: 10.35634/2412-9593-2023-33-1-141-147

По традиции отечественные уголовно-правовые науки мало расположены к использованию концепта «договор» для объяснения природы феноменов, относящихся к их ведению, исходя из того, что этот концепт имеет гражданское происхождение. В силу аксиомы о неуклонном привлечении к уголовной ответственности каждого, совершившего преступление, какой-либо торг с преступником неприемлем¹.

В постсоветской криминальной процессуалистике после появления таких институтов, как особый порядок вынесения обвинительного приговора (глава 40 УПК РФ), досудебное соглашение о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ), для объяснения их природы использовалось нейтральное учение о дифференции уголовно-процессуальной формы. Таким образом, непривычные явления получили научное объяснение. Хотя, их договорная природа оставалась под вопросом, поскольку все-таки были авторы, которые об этом писали².

Аналогичная ситуация сложилась и с объяснением в теории правовой природы ряда оснований прекращения уголовных дел, включая те из них, что предусмотрены статьями 25, 25.1, 28, 28.1 УПК РФ.

В связи с официальным появлением в нашем праве медиации этот термин нашел прочную прописку и в уголовно-процессуальной науке, а вместе с ним укоренилось и определение «примирительная» к соответствующим процедурам прекращения уголовных дел. Примирительно-медиационными процедурами стали именовать производства по прекращению уголовных дел, имеющих основания, предусмотренные ч. 2 ст. 20, ст. 25, но также и ч. 2 ст. 28, 427 УПК РФ, в которых предполагалось примирение, а значит, и соглашение между потерпевшим и обвиняемым³. Эта позиция уже более близка к признанию договорной схемы в отношениях сторон обвинения и защиты, хотя и на частном уровне: между потерпевшим и обвиняемым.

¹ См.: Петрухин И.Л. *Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Часть. I.* М.: ТК Велби, 2004. С. 83–85.

² См.: Абшилава Г.В. *Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: монография.* М.: Юрлитинформ, 2012. С. 20-37; Головкин Л.В. *Мировое соглашение в уголовном процессе и его гражданско-правовая природа* // Законодательство. 1999. № 10. С. 28–29.

³ См.: Апостолова Н.Н. *Освобождение от уголовной ответственности по дискреционным основаниям* // Закон и право. 2010. № 24. С. 76–78; Кувалдина Ю.В. *Новое основание прекращения уголовного дела (ст. 25.1 УПК РФ): последствия введения* // Библиотека криминалиста. 2017. № 1 (30). С. 93–99.

Наконец, в нашу юридическую науку перешло понятие «транзакция», которое уже подразумевает включение в число договаривающихся сторон и представителей государства орган предварительного расследования, в производстве которого находится уголовное дело, прокурора, суд⁴.

Особо способствовало укреплению мнения о договорной сущности некоторых процедур прекращения уголовных дел работа законодателя над редакцией статьи 28.1 УПК РФ. Под впечатлением от законодательных усилий учеными уже делается вывод о договорной природе оснований, предусмотренных этой статьей⁵.

Итак, можно констатировать постепенное укрепление в отечественной науке позиции, согласно которой договорное начало присутствует в целом ряде уголовно-процессуальных производств, и в том числе через договор возможен исход уголовного дела. Несмотря на различия, у них есть нечто общее, которое требует теоретического объяснения как органичной части отечественного уголовно-процессуального права и доктрины.

К настоящему времени в число согласительных (договорных) производств авторы включают процедуры, которые имеют основания, предусмотренные статьями 25, 25.1, 27 ч. 3, 28 ч. 2, 28.1, 427 УПК РФ.

Круг участников соглашения со стороны обвинения включает не только потерпевшего, его представителя, но и орган предварительного расследования, прокурора.

Относительно предмета соглашения сторон господствует точка зрения, согласно которой в него входят вопросы, касающиеся совершения обвиняемым позитивных посткриминальных действий, связанных прежде всего с возмещением причиненного вреда, примирения с потерпевшим и пр.

Большинством авторов избегается тема об обвинении как предмете соглашения, хотя выработка условий прекращения дела всегда связывается с обвинением, поскольку признание вины по предъявленному обвинению необходимо для прекращения уголовного дела по данным основаниям. Вопрос о полноте признания обвиняемым обвинения является спорным, но однозначно то, что отрицание своей причастности к инкриминируемому обвиняемому преступлению исключает возможность как примирения, так и какого-либо соглашения сторон о мирном исходе дела.

При этом если и можно говорить о «распоряжении» сторонами обвинением, то только в форме односторонней деятельности обвиняемого, демонстрирующей его деятельное раскаяние. Отказ обвиняемого, стороны защиты от использования своего права на защиту от обвинения увязывается законом с *возможным* принятием органом правоприменения решения о прекращении уголовного преследования (дела) по одному из указанных выше нереабилитирующих оснований.

В позитивно-правовой форме закреплена ограниченная модель договора в виде односторонней уступки стороны защиты своего права на защиту от обвинения и дискреционного усмотрения участника процесса, ведущего уголовное дело, применить поощрительную уголовно-правовую санкцию в рамках определенной уголовно-процессуальной формы.

Можно отметить весьма условную свободу «сторон» в заключении договора о прекращении уголовного дела, которая, помимо закона, сковывается и дискреционным усмотрением правоприменителя, который не связан полностью установлением основания для прекращения уголовного дела.

Ставить же вопрос о наличии некоей универсальной договорной модели в уголовно-процессуальном праве, через которую стороны могли решать вопросы о смягчении уголовной ответственности или даже о полном освобождении обвиняемого от таковой взамен на выполнение условий, выдвинутых обвинителем, пока не приходится.

Важно констатировать, что на доктринальном уровне имеет место весьма ограниченное признание договорной модели как способа разрешения отдельных уголовно-процессуальных вопросов, и как способа разрешения уголовно-правового конфликта в целом. Нашей же целью является содействие сдвигу доктрины в сторону признания договора как вполне обычного способа разрешения уголовно-процессуальных вопросов и уголовного дела.

⁴ См.: Шерстнев В.Б. Уголовно-процессуальный порядок досудебного урегулирования уголовно-правовых споров: современное состояние и концепция оптимизации: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2022. С. 12–14.

⁵ См.: Алаев Р.С. Прекращение уголовного преследования обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных статьями 199, 199² УК РФ, в связи с амнистией // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1 (25). С. 182–186; Александров А.С. Прекращение уголовного преследования по делам, связанным с нарушением законодательства о налогах и сборах (ст. 28¹ УПК) // Уголовное право. 2010. № 2. С. 97–102.

В качестве первоначального наброска этой концепции наметим ряд критических пунктов, по которым считаем необходимым обозначить свою позицию. Тем самым наметим общий контур авторской концепции.

Ключевое значение для доктринального сдвига имеет обсуждение проблемы о правовой сущности обвинения и возможности включения его в предмет соглашения, о степени его изменения в результате соглашения сторон.

Общепринятая трактовка обвинения, при которой в него включают под названием «материальной составляющей» само совершенное преступление, его уголовно-правовую квалификацию или и то, и другое вместе⁶, препятствует такому ходу рассуждений. Однако, при понимании обвинения как *уголовного иска*⁷, основанием которого являются доказательства, представляемые суду в его обоснование, такое уже возможно⁸.

Заметим, что предметом «соглашения» сторон о прекращении уголовного дела по «согласительно-договорным» основаниям, предусмотренным действующим законом, обвинение косвенно выступает, поскольку по общему правилу требуется предъявление обвинения или формулирование подозрения и согласие с ним обвиняемого (подозреваемого). При этом «обвинение» трактуется нами широко – как любое утверждение, делаемое органом уголовного преследования о совершении подозреваемым, обвиняемым преступления, которое формулируется в том или ином процессуальном документе, и тем самым уголовно-преследуемому лицу предоставляется право согласиться с этим утверждением. Согласие с «обвинением», признание вины по предъявленному обвинению создает исходную предпосылку для согласования сторонами иных условий прекращения уголовного дела.

Для систематизации и выработки общих единообразных правовых стандартов – договорных (согласительных) форм досудебного разрешения уголовных дел – проследуем от вышеизложенного концептуального положения, в котором мы зафиксировали свою приверженность концепту уголовный иск, к другим понятиям, составляющим концептуальную основу института договорных способов прекращения уголовных дел.

Необходимо решить онтологический вопрос о происхождении основания у всех этих договорных способов прекращения уголовного дела. Существует по данному вопросу достаточно спорная позиция, занятая В.Б. Шерстневым, за которым надо признать приоритет в разработке многих пунктов учения о договорных способах прекращения уголовного дела.

По мнению В.Б. Шерстнева, это основание буквально «создается» сторонами в результате достигнутого соглашения⁹. Именно здесь у нас намечилось главное противоречие с позицией этого исследователя, которую в целом мы оцениваем достаточно высоко.

Он утверждает, что в ходе процесса, при работе уголовно-процессуального механизма, то есть в той правовой среде, что создана процессом, стороны, взаимодействуя, творят основание, правовое средство для разрешения спора и тем самым для достижения их интересов. Речь идет о буквальном «сотворении средства уголовно-правового воздействия» в рамках договорного производства¹⁰. Более того, по мнению В.Б. Шерстнева, этот договорной уголовно-процессуальный механизм способен даже на *частно-конкретную декриминализацию деяния*, ставшего предметом уголовно-правового спора. Эта декриминализация, снятие общественной опасности деяния, формально подпадающего под действие уголовного закона, якобы происходит под позитивным, декриминализирующим влиянием посткриминального поведения обвиняемого, оговоренного соглашением; прежде всего в результате возмещения причиненного вреда¹¹.

⁶ См.: Барабаш А.С. Обвинение как двигатель уголовного процесса // Адвокатская практика. 2006. № 5. С. 44–47; Кудин Ф.М., Зубенко Е.И. Понятие обвинения в науке и законодательстве российского уголовного процесса // Общество и право. 2010. № 2 (29). С. 159–168; Фаткуллин Ф.Н. Обвинение и изменение его в суде. Казань, 1965. С. 7, 23 и след.

⁷ См.: Круглов И.В. Уголовный иск и механизм его доказывания: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. С. 8–9, 14 и след.

⁸ См.: Александрова И.А., Круглов И.В., Кучин А.Ф., Смолин А.Г. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты сделки о признании уголовного иска. Н. Новгород, 2007. С. 6–8 и след.

⁹ См.: Шерстнев В.Б. Указ. соч. С. 48.

¹⁰ См.: Шерстнев В.Б. Указ. соч. С. 52–56.

¹¹ См.: Шерстнев В.Б. Указ. соч. С. 91.

Трудно согласиться с подобными утверждениями. Мы придерживаемся традиционных представлений на то, что *средство уголовно-правового воздействия* есть продукт законодательства, но никак не процессуального взаимодействия, а тем более договоренности сторон. Последнее объективно невозможно: пересматривать, отрицать факты реальности нельзя. Разумеется, никакой *договорной декриминализации* совершенного преступления также быть не может. Но что, на наш взгляд, следует действительно признать на доктринальном уровне, так это то, что к договору может быть отнесен предмет обвинения. При неизменности положения о том, что основанием уголовной ответственности, от которой происходит освобождение в ходе анализируемых процедур, является событие преступления¹², можно говорить об изменчивости его *процессуальной проекции в виде обвинения*.

Самый острый вопрос состоит в допустимости некоего соглашения сторон относительно предмета обвинения в ходе выработки условий окончания уголовного дела. Нами допускается возможность изменения обвинения в лучшую для обвиняемого сторону по сравнению с первоначально выдвинутым обвинением и даже реально совершенным преступлением. Очевидно, что в рамках выше указанных производств это маловероятно, так как изменение обвинения не критично для них. Оно может потребоваться только как предварительный шаг для изменения категории преступления: небольшой или средней тяжести, через изменение обвинения в лучшую для обвиняемого сторону.

Принципиально важно на доктринальном уровне допустить возможность включения в предмет соглашения сторон вопросы об изменении обвинения: (1) его предмета, то есть уголовно-правовой квалификации инкриминируемого обвиняемому общественно опасного деяния, (2) эпизодов преступной деятельности, (3) обвинительных доказательств, которыми подтверждается выдвинутое обвинение.

На наш взгляд, указанный шаг назрел в нашей доктрине. На доктринальном уровне должна быть признана возможность через изменение обвинения в лучшую сторону, не затрагивая реальность события преступления и не искажая объективную истину, договорного перехода на новую материально-правовую основу процесса.

Снятие запрета на включение предмета обвинения в предмет договора сторон откроет новые возможности по совершенствованию позитивного права прежде всего по анализируемому нами направлению, но и шире, где потребность в этом гораздо больше, а именно в институтах досудебного соглашения о сотрудничестве, особого порядка судебного разбирательства (глава 40 УПК РФ).

Далее, надо исходить из того, что в уголовно-правовой-процессуальной сфере равенство сторон и свобода заключения договора между ними априори невозможны. Любой уголовно-процессуальный договор происходит из обязанности обвиняемого понести наказание, порожденной преступлением. Поэтому неравенство сторон есть неустраняемая реальность договорного способа разрешения уголовного дела. Поэтому в некотором смысле для всех уголовно-процессуальных договоров справедливо определение «кабальная»¹³.

Однако, в отличие от других авторов¹⁴, мы усматриваем в неравенстве сторон, несвободе обвиняемого, и даже очевидной невыгодности для него уголовно-процессуальной сделки, естественное свойство этого вида сделок, вытекающих из обязанности лица понести ответственность за неправомерное поведение.

Смягчить кабальность анализируемых уголовно-процессуальных договоров мы полагаем возможным через, во-первых, закрепление условий сделки сторон в письменном договоре, во-вторых, фиксацию в договоре обязанности прокурора прекратить уголовное преследование при полном выполнении всех условий соглашения обвиняемым, в-третьих, максимальную конкретизацию обязательств сторон по договору. Самое главное – это связать правоприменителя обязанностью прекратить дело, если обвиняемым или другими лицами, действующими в пользу обвиняемого, были полностью выполнены взятые на себя обязательства.

Ввиду принципиальности предлагаемого сдвига особое значение приобретает вопрос о системе принципов, которые могут быть положены в качестве концептуальной основы обсуждаемого института о договорном способе окончания уголовного дела.

¹² Оно не может быть никаким образом вычеркнуто из правовой действительности: ни через декриминализацию, ни через отрицание его присутствия в объективной реальности.

¹³ См.: Савранская Д.Д. Кабальные сделки (часть первая) // Вестник гражданского права. 2016. Т. 16, № 5. С. 110-130.

¹⁴ См.: Ковтун Н.Н. Кабальная сделка» (о фактической сути института, предусмотренного главой 40.1 УПК РФ) // Уголовное судопроизводство. 2020. № 2. С. 18–24.

Принципы – носители публичного начала, такие как принцип публичности, законности, объективной истины – враждебны укоренению согласительности в уголовно-процессуальной среде. Напротив, принципы состязательности, обеспечения прав личности в идеологическом плане благоприятны ей и анализируемому нами институту.

В свете новейших разработок по данной теме¹⁵ можно заключить, что концептуальное признание договорному способу применения уголовного закона и разрешения уголовно-правового конфликта способствуют принципы обвинения, целесообразности, диспозитивности, формальной (юридической) истины¹⁶.

Таковы некоторые из общих положений, которые можно положить в основу концепции о договорных уголовно-процессуальных формах.

Переходя от общих категорий, образующих концептуальную основу анализируемых нами договорных процедур, к особенным, указывающих на их видовую общность, надо выделить следующие из них.

1. Согласие полное или частичное с выдвинутым обвинением, понимаемым в широком смысле. Несогласие может быть по вторичным моментам. При отрицании самого факта совершения преступления какие-либо договоренности относительно прекращения дела невозможны.

Поэтому предполагается получение признательных показаний обвиняемого (подозреваемого), в которых он не только соглашается с утверждением о совершении им преступления, но и выражает элементы раскаяния и готовности возместить причиненный вред (в полном объеме, если это потребует сторона обвинения).

2. Добровольность отказа стороны защиты оспаривать обвинение и опровергать обвинительные доказательства должна обеспечиваться обязательным участием защитника, но также и независимого медиатора – посредника.

3. Возмещение вреда в полном объеме или при условии удовлетворения требований потерпевшего, которое должно быть зафиксировано на момент принятия решения о прекращении уголовного дела с подтверждением всеми заинтересованными в исходе дела участниками, то есть потерпевшим, частным сообвинителем, гражданским истцом, гражданским ответчиком, другими лицами.

4. Необходимо усилить роль потерпевшего до уровня субсидиарного обвинителя¹⁷ – самостоятельную позицию в договорном процессе и предлагающего свои пункты в соглашении сторон.

5. Полагаем, что сторона обвинения в лице прокурора вправе включить в качестве условия соглашения о завершении уголовного дела прекращением вопрос о сотрудничестве обвиняемого со следствием.

В рассматриваемой договорной уголовно-процессуальной форме подобный вопрос может быть поставлен прокурором только в виде исключения. Между тем, когда обвинительная власть в рамках досудебного соглашения, такой вопрос может стать предметом сделки. И в случае оказания обвиняемым особых заслуг в защите конституционно-правового строя, публичный обвинитель может отказаться от выдвижения обвинения против него в суд и прекратить дело. В этой связи мы предлагаем восстановить ранее существовавшее основание прекращения уголовного дела ввиду изменения обстановки, утраты обвиняемым социальной опасности: как элемент процедуры, предусмотренной главой 40.1 УПК РФ. Кроме того, предлагаем ввести норму в статью 221 УПК РФ, которая предусматривала бы право прокурора прекратить уголовное дело вследствие изменения обстановки и утраты обвиняемым социальной опасности.

Такое решение возлагает на лицо, в отношении которого дело прекращено, оказывать содействие и сотрудничать с правоохранительными органами в раскрытии и изобличении иных лиц в совершении тяжких или особо тяжких преступлений.

¹⁵ См.: Горюнов В.Ю. Особенности механизма правоприменения по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Нижегородской правовой академии. 2018. № 16. С. 55–56; Левченко О.В. Согласительно-компенсаторный способ разрешения уголовных дел о преступлениях, совершенных в сфере экономической деятельности // Международное уголовное право и уголовная юстиция. 2021. № 6. С. 6–9.

¹⁶ См.: Шерстнев В.Б. Указ. соч. С. 28.

¹⁷ См.: Лапатников М.В., Грязнов А.О. К вопросу о демократизации института государственного обвинения в уголовном процессе России // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 224–228.

6. Важным является вопрос об участии прокурора в договорных уголовно-процессуальных процедурах прекращения уголовных дел¹⁸. Современное положение прокурора в этих процедурах мы считаем неудовлетворительным. Мы полностью разделяем тезис о том, что роль прокурора должна быть принципиально повышена в процедурах прекращения уголовных дел по договорно-согласительным основаниям¹⁹. В этой связи, кстати, несистемным выглядит ограничение участия прокурора в процедуре, предусмотренной главой 51.1 УПК РФ. Оно должно быть устранено, но вначале аргументированно осуждено на концептуальном уровне.

Если исходить из того, что именно прокурор является субъектом права на обвинение, то прокурор же должен быть признан и стороной договора со стороной защиты.

7. Развивая тезис о главенстве прокурора со стороны органов публичного уголовного преследования, мы полагаем, что именно прокурор должен: (а) принимать согласие обвиняемого с обвинением и фиксировать получение от него соответствующих признательных показаний, (б) непосредственно выработать условия соглашения или утверждать эти соглашения, (в) принимать обязательства со стороны публичного обвинения, в том числе не изменять его в худшую сторону, (г) констатировать выполнение стороной защиты условий соглашения.

8. Важным признаком дела, подлежащим прекращению по договорным основаниям, является его бесспорность, как общая характеристика уровня установления фактических обстоятельств дела, подтвержденная с позиции обеих сторон, но также и суда – в лице следственного судьи.

9. Повышению правовой определенности и обеспечению прав стороны защиты должно способствовать введение составления предварительного соглашения об окончании дела по тому или иному согласительному основанию. Предварительное согласие обвиняемого на замену наказания альтернативной мерой юридической ответственности и другие правовые обременения также важно заранее зафиксировать, что сделало бы обоснованным отказ прокурора от прекращения уголовного преследования в случае невыполнения обвиняемым таковых.

10. И наконец, в рамках концепции предполагается разработать проект унифицированной формы досудебного разрешения дела на договорной основе – по приказу прокурора, но также введение института следственного судьи – как субъекта разрешения уголовно-правового спора договорным путем, требующего применения штрафной санкции.

В заключение следует отметить, что бурное развитие уголовно-процессуального законодательства, регулирующего альтернативные согласительные договорные способы разрешения уголовно-правовых споров, делает актуальным создание общей концепции договорных форм окончания уголовного дела. Для этого необходим сдвиг на уровне доктрины по вопросам о субъектах и предмете такого рода уголовно-процессуальных договоров, но также и расширении сферы и оснований применения договорного способа окончания уголовных дел.

Поступила в редакцию 12.12.2022

Колесник Вероника Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права
Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия
344038, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Ленина, 66
E-mail: nikipohta@mail.ru

¹⁸ См.: Левченко О.В. Обвинительная власть государства в ее правовой организации и уголовно-процессуальной деятельности. Монография. М.: Издательство «Юрлитформ», 2021. – С. 79-80.

¹⁹ См.: Левченко О.В. Прокурор как ключевой участник компромиссной процедуры окончания уголовного дела // Вторые Чебоксарские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения, посвященные применению технологий компромисса в системе средств обеспечения правоприменительной деятельности правоохранительных органов: сб. материалов Междунар.науч.-практ. видео-конф. (Чебоксары, 10 ноября 2020 г.). – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. С. 242-245.

*V.V. Kolesnik***THE COMPLEX OF CONTRACTUAL CRIMINAL PROCEDURAL FORMS
OF THE END OF A CRIMINAL CASE**

DOI: 10.35634/2412-9593-2023-33-1-141-147

The article is devoted to the problem of systematization of criminal procedural forms of termination of criminal cases on a number of non-rehabilitating grounds, which are called dispositive or conciliatory-compensatory, form a certain system. Its goals are to promote the shift of the doctrine towards the recognition of the contract as a completely normal way of resolving criminal procedural issues, as well as the development of the foundations of the author's concept of contractual criminal procedural forms of ending a criminal case. The main methods of legal cognition were used: deduction, induction, analysis and others. As a result of the research, the general provisions forming the basis of the author's concept were derived. These included provisions on the accomplices of the agreement on the termination of the criminal case with the accused on the termination of the criminal case by the prosecution, the subject of the agreement, the principles of the agreement. It is proposed to strengthen the role of the prosecutor in contractual procedures for the termination of criminal cases and to make the participants from the prosecution responsible for drafting the terms of the agreement and overseeing their execution. The range of grounds for contractual criminal procedural proceedings is currently provided for in Articles 25, 25.1, 27 Part 3, 28 Part 2, 28.1, 427 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The author suggests expanding it with the basis of a change in the situation or loss of social danger to the accused in the course of his cooperation with the investigation and the prosecutor.

Keywords: concept, contract, prosecution, termination of a criminal case, basis, conditions, prosecutor, victim, accused.

Received 12.12.2022

Kolesnik V.V., Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor at Department of Civil Law
Rostov branch of Russian State University of Justice
Lenina Ave., 66, Rostov-on-Don, Russia, 344038
E-mail: nikkipohta@mail.ru